

Цмыкал О.Е.

Амурский государственный университет
675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21
olgatsmykal@yandex.ru

Религиозный аспект поэтического этнографизма Лариссы Андерсен

Аннотация. Поэтический этнографизм – одно из дискурсивных проявлений художественной этнографии, органичное для лирического типа сознания. Несмотря на большую степень метафоричности, окказиональности и художественного вымысла, поэтический этнографизм в творчестве отдельных авторов может стать ценным источником религиоведческих наблюдений.

В данной статье представлены результаты исследования религиозного аспекта поэтического этнографизма, определяющего содержания «Писем из Индии» и «Писем из Таити» харбинской поэтессы Лариссы Андерсен (журнал «Оккультизм и йога»). Объектом лиризованных эпистолярных произведений являются религиозные представления жителей Индии и Таити как прямое выражение религиозности самой Л. Андерсен: православная по вероисповеданию, она интересовалась эзотерическими учениями, серьёзно занималась йогой, при этом тяготела к пантеизму. Это определило склонность к синкретизации религиозных явлений и, с одной стороны, объясняет интерес Л. Андерсен к развитой духовной культуре Индии, а с другой – её органичное восприятие примитивных архаических верований таитян. Автор статьи приходит к выводу, что этнографические наблюдения Лариссы Андерсен за жителями Индии и Таити (в частности – за религиозной стороной их жизни) и её этно-религиозные эскизы имеют ценность в контексте развившегося в первой половине XX века в Маньчжурии этнографического направления исследований, а также – в контексте изучения религиозного синкретизма жителей русского Харбина (и шире – русского Китая).

Ключевые слова: Ларисса Андерсен, «Письма из Индии», «Письма из Таити», художественная этнография, поэтический этнографизм, пантеизм, религиозный синкретизм

Olga E. Tsmikal

Amur State University
21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, Amur region, Russia, 675027
olgatsmykal@yandex.ru

The Religious Aspect of the Poetic Ethnographism of Larissa Andersen

Abstract. Poetic ethnographism is one of the discursive manifestations of literary ethnography, organic for the lyrical type of consciousness. Despite the great degree of metaphor, occasional and artistic fiction, poetic ethnographism in the work of individual authors can become a valuable source of religious observations. This article presents the results of the study of the religious aspect of poetic ethnographism, which determines the content of “Letters from India” and “Letters from Tahiti” by the Harbin poetess Larissa Andersen (journal “Occultism and Yoga”). The object of lyricized epistolaries is the religious beliefs of the inhabitants of India and Tahiti as a direct expression of the religiosity of L. Andersen: Orthodox by faith, she was interested in esoteric teachings, was seriously engaged in yoga, while gravitating towards pantheism. This determined the tendency to syncretize religious phenomena and explains, on the one hand, L. Andersen’s interest in the developed spiritual culture of India, and on the other, her organic perception of the primitive archaic beliefs of the Tahitians. The author of the article concludes that the ethnographic observations of Larissa Andersen for the inhabitants of India and Tahiti (in particular, for the religious side of their life) and her ethno-religious sketches are valuable in the context of the ethnographic direction of research that developed in the first half of the 20th century in Manchuria, as well as – in the context of studying the religious syncretism of the inhabitants of Russian Harbin (and more broadly – Russian China).

Key words: Larissa Andersen, “Letters from India”, “Letters from Tahiti”, literary ethnography, poetic ethnographism, pantheism, religious syncretism

Введение

Ларисса Андерсен, одна из самых известных поэтесс Русского Харбина, испытала на себе влияние многих культурных веяний и интересов, распространённых в среде дальневосточной эмиграции: ориентализм, мистицизм, йога, Агни-йога, теософия и др., была знакома с Николаем и Святославом Рерихами, Индрой Дэви, индийским философом Кришнамурти и т.д. [Цмыкал, 2018, 237–243]. Все эти обстоятельства сказались на её общем восприятии религии и определили её религиозную картину мира.

Религиозно-философские искания Лариссы Андерсен представляют большой интерес как отражение панрелигиозности, ориентализма, мистицизма, религиозного синкретизма, присущих представителям дальневосточной эмиграции [Конталева, 2020]. Сама Ларисса была крещена в православии – и сохранила православное вероисповедание до конца своих дней, однако это не мешало ей заниматься йогой, дружить с представителями Теософического общества и интересоваться самыми разными религиозными направлениями [Забияко, Цмыкал, 2018].

Письма Андерсен, как и её художественные тексты, свидетельствуют о том, что понятие «бог» было для неё довольно размытым, не связанным с конкретной религией [Забияко, Цмыкал, 2018; Андерсен, 2006, 336]. Очевидно, склонность к синкретизму берёт начало во внутренней пантеистичности поэтессы, органичном восприятии себя как части окружающего мира. С другой стороны, на формирование внутреннего синкретизма Лариссы повлияла и особая атмосфера русского Китая: из царской России эмигранты привезли мистические настроения, характерные для культуры «серебряного» века, а новая инокультурная среда и оторванность от родины подвигла многих к изучению Востока – в том числе, его религиозных учений. Так, среди близких друзей Лариссы Андерсен был рерихианец и масон А. Ачаир, В. Перелешин, увлекавшийся китайской религиозной философией (несмотря на опыт православного монашества), мистически настроенная М. Коростовец и др. [Забияко, Цмыкал, 2018; Цмыкал, 2018]. Живя в Шанхае, под руководством известной наставницы Е. Петерсен (Индры Дэви) Ларисса освоила йогу [Цмыкал, 2018].

Помимо Китая, судьба забрасывала Лариссу Андерсен в самые разные страны: Корею, Японию, Индию, Вьетнам, Таити, Францию... Путешествия становились для поэтессы источником вдохновения – так создавались изящные очерки-воспоминания, красочные зарисовки об экзотических землях [Андерсен, 2006, 284–293, 296–304; Андерсен, 2018, 87–100]. Несмотря на то, что Ларисса Андерсен никогда не занималась этнографией профессионально, атмосфера интереса к культурам разных стран (особенно – восточным), царившая в Харбине [Забияко, Цмыкал, 2018, 134–144], сильно повлияла на её сознание. Этому способствовали также Лариссина открытость новому, жажда впечатлений, умение подмечать яркие детали.

В данной статье мы обращаемся не к беллетризованным очеркам-воспоминаниям Лариссы Андерсен, а к её письмам друзьям («Письма из Индии», «Письма из Таити»), опубликованным с согласия автора в журнале «Окультизм и йога» [Загогулинка, 1959а, 137–147; Загогулинка, 1959б, 128–132; Андерсен, 2012, 263–266]. В этих письмах автор описывает свои впечатления от встречи с экзотическими культурами и представителями этих культур. На наш взгляд, рассматриваемые эпистолярии, так же, как и художественная проза Андерсен, несут в себе черты поэтического этнографизма [Эртнер, 2005; Забияко, Цмыкал, 2021] и представляют интерес в контексте этнографической линии, развившейся в Маньчжурии в начале XX века.

Предметом исследования является религиозный аспект поэтического этнографизма Лариссы Андерсен, который мы рассматриваем на материале «Писем из Индии», «Писем из Таити», а также лирических текстов поэтессы, написанных по следам этих путешествий. Наблюдая за жителями Индии и Таити, поэтесса описывает особенности их бытового поведения и религиозную сторону их жизни. Замечания Андерсен, касающиеся религиозных представлений жителей указанных стран, отражают особенности её собственного художественного и религиозного сознания.

1. Духовная культура Индии**в «Письмах из Индии» Лариссы Андерсен**

В Индию Ларисса Андерсен попала после того, как вышла замуж за Мориса Шеза, служащего французской судоходной компании (до этого момента поэтесса

долгое время пыталась покинуть Китай, но тщетно – не давали разрешения на выезд) [Калиберова, 2006, 27]. Проникшаяся к тому времени учением йоги, ученица одной из первых в западном мире женщин-йогов Индры Дэви (Евгении Петерсен) [Росов, 2004, 77], Ларисса сразу полюбила эту удивительную страну: «В Индии я попала в Мадрас, прямо к учителю моей первой, ещё шанхайской учительницы. В гнездо теософии (Адьяр), колыбель Кришнамурти и его друзей» [Андерсен, 2006, 351]. Из приведённой цитаты ясно, что новое место проживания поэтессы воспринимала не просто как восторженный праздный турист – в её сознании уже существовал образ земли, связанной с йогой, индуизмом, теософией и т.д. Чаения поэтессы не оказались напрасными – она познакомилась и с членами Теософического общества, и с Кришнамурти, Кришнамачарья, а также со Святославом Николаевичем Рерихом и его женой, индийской актрисой Дэвикой Рани [Калиберова, http://iimc.dvfu.ru/documents/210702/110529987/VK_article10.pdf/].

Яркие краски Мадраса произвели на Андерсен сильное, близкое к экзотическому, впечатление: «В Индии – красота. Небо такое, что, кажется, звёзды можно прямо взять. Они висят, как светильники. На закате, около Мадраса, море зеленоватое. Выходит луна – женщина в красном сари. И храмы смотрят не в море, а в вечность» [Росов, 2004, 79]; «Не успела я послать Вам мои “отстоявшиеся” впечатления из Франции, как придётся отстаивать новые. Пока что – *пятна ярких красок* – цветы, сари почти чёрных женщин, *яркое* небо, *яркие* звёзды. Даже кули, у которых, кроме чалмы и повязок на бёдрах, ничего нет, выбирают себе такие *расцветки* для этих “костюмов”, что можно *ослепнуть*. Ещё не очень жарко, но *небо такое синее и солнце такое яркое*, что я хожу как в облаке, и хочу спать, словно пьяная» [Кузнецова, <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1732>].

Бесспорно, Лариссу Андерсен интересовала духовная культура Индии. Однако импрессионистическое мировидение мешало поэтессе сосредоточиться на конкретных объектах: фокус её внимания легко захватывал яркие картинки – и столь же легко рассеивался между ними. В своих произведениях Андерсен изычно – и несколько небрежно – жонглирует эффектными образами и этнографическими реалиями. Так, например, происходит в стихотворении «Письмо», посвящённом острову Цейлон. В произведении в изобилии представлены этнографические реалии Индии, преобразованные художественным сознанием поэтессы: к примеру, Адамов пик, одну из известнейших достопримечательностей о. Цейлон (теперь – Шри-Ланка), которая является объектом паломничества представителей индуизма, буддизма, христианства, Андерсен описывает следующим образом:

А на самой высокой из гор,
 Что в Цейлоне видна отовсюду,
 След ступни с незапамятных пор:
 Это – Вишну, Адам или Будда
 (в общем, кто-то большой и святой...)

[Андерсен, 2006, 154].

Действительно, представители разных конфессий имеют собственное мнение по поводу того, чей же след венчает горный пик на Цейлоне: буддисты полагают, что это был Будда, христиане – что это был Адам (отсюда одно из названий – «Адамов пик»), индуисты же уверены, что след принадлежит Шиве. Для художественного сознания Лариссы Андерсен подобный синкретизм оказался очень органичным. Даже имена богов она указывает не вполне точно – вместо Шивы в стихотворении фигурирует Вишну, а всё потому, что принципиальной разницы для лирической героини (как и для самой поэтессы) это не имеет, все указанные религиозные фигуры сливаются для неё в единый образ: «кто-то большой и святой».

В стихотворении немало и других этнографических неточностей – в частности, «золотая Кумари», упоминаемая в тексте, не имеет никакого отношения к Цейлону, являясь живым божеством Непала [Кумари, <https://nat-geo.ru/science/human/kumari-zhivye-bogini-nerala/>]. Подобные «ляпы» нередки в произведениях Андерсен, чему причиной её склонность фокусироваться на ярких деталях, оставляя остальное вне поля зрения.

Нельзя, однако, не отметить интуитивную меткость многих наблюдений поэтессы. Так, например, рассказывая о племени «Тоддов» (тогда, тогда), проживающем в местности Нильгири (Нильгири)¹, Ларисса Андерсен пишет:

«Недавно была я в Нильгири, на этих знаменитых Голубых Горах, когда-то так ярко описанных Е.П. Блаватской. Видела и таинственных Тоддов, которые там живут с начала времён, но, по-видимому, постепенно вымирают. Говорят, в их языке нет ни одного слова, схожего с санскритским. От индусов они отличаются. Больше всего похожи – осанкой, ростом и одеждой – на мексиканских индейцев. Но и индусы такие случиться могут и если, как говорят, у Тоддов было по одной жене на всех братьев каждой семьи, то и неудивительно, что у них у всех более или менее один и тот же тип. Живут они по-прежнему в каких-то вигвамах, сделанных только из глины, с маленьким проходом, чтобы пролезть внутрь на корячках, так как на этих высотах всегда холодно. Теперь правительство помогает им строить кирпичные бараки, этим самым отнимая у них оригинальность, и, следовательно, доход от туристов с аппаратами. Никакой духовности у них я не заметила. Молятся они на своих буйволов, вернее, на их молоко, по возможности ничего не делают часами стоят неподвижно, уставившись в одну точку, точно ждут смерти. Но лица у них далеко не примитивные и похожи они на каких-то выродившихся интеллигентов (вроде русских эмигрантов)» [Загогулинка, 1959а, 138–139].

Редакция журнала «Окультизм и йога» сочла нужным прокомментировать наблюдения Андерсен: «Опубликованные (с небольшими сокращениями) письма нашего друга из Индии написаны так живо, ярко и увлекательно! Они чрезвычайно интересны по существу, но, к сожалению, не дают полного представления о Тоддах, этом загадочном племени Голубых Гор. Очевидно, автору писем не удалось проникнуть в тайну их внутреннего сознания, а потому описание их получилось поверхностным и непочтительным. Впрочем, этого следовало ожидать, – Тодды почти никому не открывают доступ в свой внутренний мир» [Загогулинка, 1959а, 143–144].

Указывая на ошибочность выводов, сделанных поэтессой в отношении «Тоддов», представители редакции апеллируют к трудам Елены Петровны Блаватской [Загогулинка, 1959а, 144–146], когда-то посетившей Голубые горы с целью изучить это загадочное племя. Учитывая специфическую тематическую направленность журнала, пиетет его редакторов перед работами Е.П. Блаватской, одной из ключевой фигур мировой теософии, основательницы Теософического общества, не вызывает удивления. Цитируемые в комментарии редакции отрывки из книг Блаватской, впрочем, полностью противоречат результатам исследований учёных-этнографов и сведениям из современной справочной литературы – в отличие от описания племени *тода*, составленного Лариссой Андерсен.

Согласно сведениям, изложенным Блаватской, *тода* в принципе не являются расой или этносом, но «представляют из себя духовную группу людей, некую секту» [Загогулинка, 1959а, 144–145]; свою точку зрения Е.П. Блаватская аргументирует это тем, что детей *тода* никто и никогда не видел. Отрицает Блаватская и наличие у *тода* полиандрии [Загогулинка, 1959а, 146].

В современных справочных источниках и материалах этнографических исследований отмечается, что *тода*, несомненно, – этнос, а не «секта», состоящая из представителей разных народностей. Более того, исследователи подтверждают наличие у *тода* полиандрии, так что сведения Блаватской очевидно искажают реальность [Большая российская энциклопедия, <https://bigenc.ru/ethnology/text/4194936>; Шапошникова, 1969, http://www.ivorr.narod.ru/biblio/shap_lv/biblio_shapbook.htm].

Исследовательница Л.В. Шапошникова, как и Е.П. Блаватская, совершившая поездку в Нильгири с целью сбора этнографического материала и жившая с *тода* бок о бок, пишет: «Блаватская пыталась дать картину истории и происхождения племени *тода*. Обладая незаурядной фантазией и явной склонностью к преувеличениям, эта способная журналистка, мягко выражаясь, допустила ряд неточностей. Вероятно, все эти “неточности” были подчинены какому-то её замыслу, связанному с таинствами мистики и непонятому мною» [Шапошникова, 1969, http://www.ivorr.narod.ru/biblio/shap_lv/biblio_shapbook.htm].

Суждения же о тода Ларисса Андерсен совпадают с результатами полевых исследований Шапошниковой, хотя и выражены в иной форме. Сравним:

<p>«Никакой духовности у них я не заметила. Молятся они на своих буйволов, вернее, на их молоко, по возможности ничего не делают часами стоят неподвижно, уставившись в одну точку, точно ждут смерти» [Загогулинка, 1959а, 139].</p>	<p>«Примитивные верования и представления тода можно характеризовать двумя словами – культ буйволов. <...> Что такое храмы тода? Это, по сути, фермы, где содержатся священные буйволицы. Кто такие жрецы тода? Это люди, наиболее опытные в уходе за такими буйволицами» [Шапошникова, 1969, http://www.ivorr.narod.ru/biblio/shap_lv/biblio_shapbook.htm].</p>
<p>«...у Тоддов было по одной жене на всех братьев каждой семьи, то и неудивительно, что у них у всех более или менее один и тот же тип» [Загогулинка, 1959а, 139].</p>	<p>У тода существует два вида полиандрии: так называемая матриархальная, когда мужья не связаны между собой родственными узами, и фратеральная. В последнем случае жена старшего брата автоматически становится женой младших братьев [Шапошникова, 1969, http://www.ivorr.narod.ru/biblio/shap_lv/biblio_shapbook.htm].</p>

Как мы видим, в основе своей информация о тода, которую поэтесса походя, коротко сообщает в письме, не противоречит научным данным. Безусловно, Ларисса Андерсен обладала немалым интеллектуальным потенциалом и неплохими аналитическими способностями, а также – редким здравомыслием, что помогало ей не попадать впросак в подобных ситуациях и не впадать в романтические фантазии и приукрашивания, несмотря на склонность к лиризации действительности. И хотя текст письма свидетельствует о том, что поэтесса была знакома с трудами Е.П. Блаватской, в которых та описывала тода (что неудивительно, если учесть, что она много вращалась в теософских кругах), судя по всему, Андерсен особенно ими не прониклась, поэтому в письме ограничивается лишь замечанием: «Недавно была я в Нильгири, на этих знаменитых Голубых Горах, когда-то так *ярко* описанных Е.П. Блаватской» [Загогулинка, 1959а, 138а]. Принимая во внимание то, что к конкретным суждениям Блаватской Андерсен не апеллирует и не сравнивает с ними собственные наблюдения, мы можем сделать вывод, что они вряд ли отложились в её памяти. Что говорит, вдобавок, о самодостаточности и неконформности суждений «харбинской Музы».

Во время проживания в Мадрасе состоялась встреча Лариссы Андерсен с известным духовным учителем Джидду Кришнамурти²: «Вчера видела Кришнамурти. Он приезжает сюда каждый год, но в этом году приехал не для спичей, а для отдыха. Меня вызвала Шивакаму³ – и мы вместе с нею пошли к нему. Я как-то ещё не могу определить моего впечатления. Возможно потому, что я, как и у Рериха⁴, внезапно застеснялась – и моё собственное состояние заслонило от меня всё восприятие. Нekomу было сказать вступительный спич, а я всегда давлюсь всякими почтительными словами, в особенности перед Кришнамурти, которого, по-моему, уже тошнит от всяких истерических поклонниц. Он же сидел молчаливо на полу и ни о чём не спрашивал. У меня, как ком в горле, сидела моя проблема, всегда наготове и всегда подавливаемая. Я, правда же, напоминаю сама себе Кипплинговского слонёнка, который ко всем приставал с расспросами о том, что есть крокодил.

После того, как я выдавила несколько общепринятых фраз, наступило странное молчание. Странное, потому что Кришнамурти молчал, как будто намеренно, как будто он что-то слушал. И после молчания его компаньон – индус, с которым он путешествует, – заговорил как раз о том, о чём мне было надо, о чём я думала. <...> И тут я, конечно, прорвалась. Правда, не особенно удачно. Больше половины осталось

во мне, а когда мы вышли, то я вдруг пустила слезу в автомобиле. До сих пор целый вихрь взбудораженных мыслей или чувств, или мысле-чувств, крутится во мне – и я так устала, как будто ворочала камни. Наверное, он решил, что я сумасшедшая. Но это не важно» [Загогулинка, 1959а, 140–141].

Великого учителя, имя которого было священным в теософских кругах, Ларисса восприняла через призму собственных мыслей и переживаний («мысле-чувств»), что вообще для неё было характерно. Ни слова не говорит поэтесса о своих вопросах – и об ответах Кришнамурти: «...моё собственное состояние заслонило от меня всё восприятие», – пишет она. Однако ясно, что описываемая встреча произвела на неё сильное впечатление. Возможно, в индийском учителе поэтесса почувствовала родственную душу – всю жизнь она не могла определиться со своими религиозными представлениями, не находя себя ни в одной религии – и, видимо, оттого ей были интересны теософы.

О том, какой вопрос она задала Кришнамурти, Ларисса Андерсен поведала лишь много лет спустя в личной беседе с В.А. Росовым: «Меня всегда мучил вечный вопрос: почему в мире Бог создал столько жестокости? Если Бог – за любовь, то почему люди так живут... Кришнамурти ответил: “А другого мира нет”» [Росов, <http://www.aryavest.com/partlink/149.pdf>]. О религиозных поисках Лариссы Андерсен мы писали в ряде публикаций [Цмыкал, 2018; Забияко, Цмыкал, 2018], поэтому сейчас не будем останавливаться на этом вопросе подробно. Заметим только, что Индия не дала поэтессе каких-то неожиданных религиозных прозрений и откровений – однако осталась навсегда светлым воспоминанием и оставила любопытные заметки.

2. Архаические верования Таити в письмах Лариссы Андерсен

Письма Андерсен, написанные на Таити и опубликованные, как и её «индийские» письма, в «Оккультизме и йоге», также содержат множество интереснейших страноведческих наблюдений. Любопытно, что в «Письмах из Таити» гораздо больше описаний религиозных верований местных жителей, нежели в «Письмах из Индии», притом, что в Индию поэтесса ехала, «заряженная» интересом к духовной жизни страны, и вращалась там в религиозно-мистически настроенных кругах, в то время как на Таити она отдалась на волю ощущений и сливалась с природными стихиями – купалась, грелась на солнце, радовалась теплу и тропическим краскам. Помимо писем, Таити почти полностью посвящён небольшой цикл стихотворений Андерсен «Чужие моря», вошедший в антологию «Одна на мосту». Нам представляется целесообразным рассматривать письма и некоторые стихи о Таити параллельно, так как в них содержится множество сквозных образов и мотивов.

Ларисса органично прониклась атмосферой мистики и магии, царившей на Таити. Несмотря на несколько ироничный тон, в котором она описывает верования таитян в своих письмах («Мистики у них полно, но только самой примитивной и тёмной. Они вечно видят привидения. Ощеряются, как собаки, бледнеют и смотрят перед собой: “Тупапао”... А другие, т.е. европейцы, ничего не видят. Если они знают, чьё это “Тупапао”, то перехоранивают тело вниз лицом и говорят, что помогает. Но всех не перехоронишь и потому “Тупапао” гуляют по всему острову. Особенно около “мараэ” – бывшие алтари, где приносили в жертву собак, чёрных свиней и людей» [Андерсен, 2012, 264]), в стихотворениях, посвящённых Таити, лирическая героиня Андерсен оказывается плотью от плоти магии острова:

Я не знаю, отчего я не спала,
 Ночь мерцала, и звенела, и текла...

 Мне казалось, что я вовсе не одна...
 Тупапау, что ли, рыскал у окна?

 И прибор мне не давал покоя:
 Колдовал, нашёптывал такое,
 Словно я должна идти, идти,
 По воде, по лунному пути...
 Чей-то зов ко мне в ночи проник.

Чей-то взор забрался в мой тайник,
Я лежала, словно в доме из стекла,
Ночь мерцала, и звенела, и текла...

[Андерсен, 2006, 144].

Героиня как будто находится в состоянии полусна (или же она в мистическом трансе, обездвижена и может только покорно наблюдать за происходящим). Вокруг же неё – разворачивается ночная мистерия. Проникшись местными поверьями, поэтесса вводит в стихотворение образ духа Тупапау. Возможно, строки «Мне казалось, что я вовсе не спала / Тупапау, что ли, рыскал у окна?» являются своеобразной отсылкой к картине П. Гогена «Манао Турараи» («Дух мёртвых не дремлет») (1892), на которой обнажённая девушка лежит на кровати, а дух Тупапау наблюдает за ней из полумрака комнаты. Как рассказывал сам Гоген, однажды, живя на Таити с молодой местной девушкой Техурой, он задержался дотемна. В светильнике закончилось масло, и Техура осталась лежать одна в темноте (хотя обычно таитяне предпочитают спать при свете из-за боязни духов). Входя в дом, Гоген чиркнул спичкой, чтобы осветить помещение, что вызвало испуг девушки: «Могла ли она не принять меня за демонического призрака – тупапау, легенды о которых не дают её народу спать по ночам?» [Даниельссон, 1969]. Неизвестно, знала ли Андерсен эту историю. Неизвестно также, видела ли она полотно «Дух мёртвых не дремлет» до посещения Таити. Однако очевидно, что поэтесса (возможно, на интуитивном уровне) очень тонко уловила, с одной стороны, атмосферу полинезийской мистики, а с другой – прониклась чувствами мастера постимпрессионизма. Подобная параллель органично вписывается в парадигму творчества Л. Андерсен – образ из таитянских легенд наложился на образ из произведения искусства, дав творческий импульс к написанию стихотворения.

«Видите, какой у нас Таити. Страшно» [Андерсен, 2012, 265], – пишет Ларисса Андерсен в одном из своих писем. Но её лирическую героиню как будто не пугает, а будоражит и завораживает вся эта жутковатая «мистика». Архаические мифы коренных жителей Таити соприродны художественному миру поэтессы-пантеистки.

Реакцию Андерсен на мистические верования таитян трудно уравнивать с эмоциями, которые испытывает человек при чтении готических рассказов или просмотре фильмов ужасов: для читателя/зрителя всё происходит не всерьёз, понарошку, для него мистический сюжет – просто способ «пощекотать нервы». Приведённая в начале абзаца цитата была сказана в связи с жутковатой историей, произошедшей во время киносъёмки, проходящих на острове: «Когда-то здесь крутился ещё немой фильм “Табу”. Я его помню. Играли два туземца отсюда, кажется, они и теперь здесь, – прожили все деньги и вернулись восвояси ловить рыбу и подбирать бананы и кокосовые орехи: зачем им деньги! Директор фильма решил поселиться на месте “Табу”, несмотря на предупреждения. Однажды, глянь, а дом сгорел. И соседи видели большую собаку (“Тупапау” часто превращаются в собаку), которая бегала по дому в ту ночь пожара. Когда он закончил фильм и поехал в Париж, то умер в автомобильной катастрофе, причём его шофёр, негр (не с Таити), рассказал, что внезапно большая собака бросилась на автомобиль – и это послужило причиной несчастья. Когда переносили большого “Тики” с площади, где он уже привык, в музей Гогена, – три рабочих из пяти умерли через несколько дней. Не знаю, чем оградили себя двое оставшихся в живых» [Андерсен, 2012, 264–265]. Заметим – Андерсен пересказывает историю весьма буднично, как абсолютно достоверную, без грамматической иронии и без указаний на художественную условность. Она органична такой мистической реальности, как органична была мистике Китая и Кореи.

Древняя магия Таити не пугает поэтессу, она воспринимает её даже с некоторым азартом: «Здесьние колдовские места мне нравятся». Не зря в её стихотворениях нередко появляется образ колдуньи⁵. В произведениях, посвящённых острову, проявляются основополагающие характеристики художественного сознания Лариссы: пантеистичность и импрессионистичность.

Стихотворение «Моана⁶ и я» становится квинтэссенцией пантеистических мотивов в «таитянской» лирике Андерсен. Не случайно океану в нём даётся имя –

Моана, «великий Моана». Таким образом океан обретает антропоморфные черты – и одновременно обожествляется:

Там – ни зла, ни добра, только плещущий хаос творенья,
Непреложный, настойчивый, яростный пульс бытия.
Но, разбившись о риф, проливаясь в ладони лагуны,
Успокоено глядя затихшей водою песок,
Вздых солёных глубин исторгает великий Моана
И приносит на землю свою перевозданную дань
[Андерсен, 2006, 146].

Моана для лирической героини – не просто океан, но древнее божество, гневное и неуёмное. Для Таити, пропитанного духом первобытности и пантеизма, такой образ очень органичен. Органичен он и для поэтики Андерсен. Поэтесса тонко улавливает пантеистическую основу верований местных жителей, делает её предметом собственной поэтической рефлексии.

Ряд стихотворений цикла посвящён прощанию с Таити. Лирическая героиня, покидая остров, исполняет магический «прощальный» ритуал, который, надеется она, приведёт её обратно. Ритуал чем-то напоминает банальное кидание монетки в фонтан при отъезде, однако его сложность, множество уточнений и обязательных к исполнению условий отсылают нас к древним магическим практикам.

Прощание с Таити

Дыханье на миг затаить... – и
В эту лазурную воду,
В эту ажурную пену
Бросить, прощаясь, цветы –
Тогда я вернусь на Таити!

Их надо бросать с парохода,
Надо бросать непременно
В самом начале лагуны,
Где сумасбродят буруны –
У пенистой, белой черты.
Тогда я вернусь на Таити!

Смотри, чаровница-вода,
Вы – истомлённые пляжи,
Где струи рокочут, как струны,
Вы – колдовские высоты,
Чёрных камней чехарда,
Подземных горячек миражи –
Тайно бурлящая страсть,
Камни, хранящие власть
Магических тёмных наитий!
Я ритуал исполняю,
Слёзы с цветами роняю.
Верните меня на Таити!

[Андерсен, 2006, 149].

В данном стихотворении проявляются характерные черты русских заговорных текстов:

1. На уровне образов – типичные для русского заговора локативы (море, остров).
2. На «предметном» уровне (уровне сакральных культовых объектов) – чёрные камни⁷ (также часто встречающийся в русской заговорной практике образ);

в данном случае данный образ вдохновлён, конечно, культовыми местами полинезийцев – упомянутыми выше камнями-алтарями – «марае»⁸ или «мараэ». Такое совпадение любопытно с точки зрения общих начал в архаических религиозных представлениях разных народов.

3. На композиционном уровне можно выделить характерные структурные элементы заговорного текста: повторы, закрепки («*Тогда я вернусь на Таити!*»), заключительная фраза («*Верните меня на Таити!*» – сродни заминиванию). Также можно выделить такие типичные для заговора особенности, как использование параллельных конструкций («*В эту лазурную воду, / В эту ажурную пену*», «*Вы – истомлённые пляжи, <...> / Вы – колдовские высоты, Чёрных камней чехарда, / Подземных горячек миражи...*») и т.д.), часть из которых, как видно из примера, анафоричны.

Вольные рифмы и часто использующиеся в тексте аллитерации («*Где струи рокочат, как струны*»; «*Чёрных камней чехарда*»; «*Магических тёмных наитий*» и др.) позволяют сделать вывод о родстве поэтики стихотворения с поэтикой русского заговора. Созданию заговорного эффекта служит и неоднородный ритмический рисунок (чередование амфибрахия и дактиля, дольниковые перебои). Сочетаясь с постоянно удлиняющимися строфами, повторами, анафорами и параллельными конструкциями этот вольный стихотворный ритм создаёт эффект заклинания, чему способствует и наращивание строфического объёма, увеличивающее напряжение от первой строфы к последней. На ум приходят ассоциации с шаманским камланием, как будто лирическая героиня впадает в состояние изменённого сознания, сливаясь воедино с магической атмосферой острова.

А. Блок в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» отмечал: «Обряды, песни, хороводы, заговоры сближают людей с природой, заставляют понимать её ночной язык, подражают её движению. Тесная связь с природой становится новой религией, где нет границ вере в силу слова, в могущество песни, в очарование пляски. Эти силы повелевают природой, подчиняют её себе, нарушают её законы, своею волей сковывают её волю. Опьянённый такою верой сам делается на миг колдуном и тем самым становится вне условий обихода» [Блок, 1962, 36–65]. Произнося своё поэтическое заклинание, лирическая героиня Андерсен на время превращается в колдунью – полурусскую, полу-таитянскую, синкретического происхождения, но обретающую способность повелевать природными силами.

Резюме

Подводя итоги проведённому исследованию, сделаю следующие выводы.

1. Эпистолярный Л.Н. Андерсен, несомненно, являются важной частью её творческого наследия. В письмах автора, как и в литературных произведениях, проявляются важнейшие особенности её художественного мира, характерные черты авторского стиля, как то: метафоричность природных образов, тенденция к лиризации, импрессионистичность и т.п.

2. Ларисса Андерсен интуитивно точно воспринимала этнорелигиозную специфику иных культур, не погружаясь глубоко в её изучение. Примером тому может служить описание ею племени тода в одном из «Писем из Индии»: поэтессе хватает услышанных или прочитанных где-то справочных сведений об этом народе и краткого знакомства с ним, чтобы составить весьма верный образ, совпадающий с описанием современных этнографов.

3. Отправляясь в Индию, Ларисса Андерсен была уже «заряжена» интересом к духовной культуре этой страны (этому способствовали занятия йогой, общение с людьми, обращавшимися к различным мистическим учениям, и общая атмосфера интереса к восточным духовным практикам, спиритизму, мистицизму, религиозному синкретизму, царившая в среде дальневосточной эмиграции). Поэтесса мечтала воочию увидеть индийский берег, великих духовных учителей, познакомиться членами Теософического общества – и ожидания её не были обмануты. Однако, как ни парадоксально, именно в Индии, где духовные практики развиты больше, чем где либо, Андерсен страдала от того, что больше занималась мирскими делами, домом, приёмами и т.д. Напротив – Таити с его примитивными архаическими верованиями оказывается гораздо ближе поэтессе. Там она обретает душевный покой, и именно

Таити (а не Индия) вдохновляет её на написание стихов. Можно резюмировать, что природный пантеизм Лариссы Андерсен оказался сильнее увлечения восточной религиозной философией в разных её проявлениях, а архаическая культура способствовала возникновению в художественном сознании поэтессы антропоморфных природных образов и заставляла обращаться к религиозным истокам родной русской культуры (к жанрам заговоров и заклинаний).

Благодарность

Исследование поддержано грантом Российского фонда фундаментальных исследований. Тема «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)», проект №20-012-00318

Acknowledgement

The study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research. The theme “Images of Russia and China in literary ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 20-40s. XX century)”, project No. 20-012-00318

Библиографический список

1. «Лучшие песни мои со мной...». Из писем Лариссы Андерсен Валерию Перелешину / Вступ. статья, публ., коммент. О.Ф. Кузнецовой // Звезда. – 2011. – № 11 [Электронный ресурс]. – URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1732> (дата обращения 04.09.2020).
2. Андерсен, Л.Н. Письма из Таити / Л.Н. Андерсен // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 5. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – С. 263–266.
3. Андерсен, Л.Н. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма / Л.Н. Андерсен. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. – 472 с.
4. Андерсен, Л. По земным лугам: стихи / Л. Андерсен. – Шанхай: Изд-во журнала «Современная женщина», 1940. – 56 с.
5. Андерсен, Л.Н. Цветы берёзы / Л.Н. Андерсен. – Владивосток: Валентин, 2018. – С. 87–100.
6. Блок, А.А. Поэзия заговоров и заклинаний / А.А. Блок // Собр. соч.: В 8 т. – М.; Л., 1962. – Т. 5. – С. 36–65.
7. Забияко, А.А. Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) / А.А. Забияко, О.Е. Цмыкал // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 45–55.
8. Забияко, А.А. Религиозные искания писателей дальневосточной эмиграции: метаморфозы этнокультурной идентификации / А.А. Забияко, О.Е. Цмыкал // Религиоведение. – 2018. – № 4. – С. 131–144.
9. Загогулинка. Письма из Индии / Загогулинка // Оккультизм и йога. – 1959. – № 20. – С. 137–147.
10. Загогулинка. Письмо из Вьетнама / Загогулинка // Оккультизм и йога. – 1967. – № 36. – С. 70–74.
11. Загогулинка. Письмо из Индии / Загогулинка // Оккультизм и йога. – 1959. – № 21. – С. 128–132.
12. Калиберова, Т.Н. Встречи со Святославом Рерихом (из архива Лариссы Андерсен) / Т.Н. Калиберова [Электронный ресурс]. – URL: http://iimc.dvfu.ru/documents/210702/110529987/VK_article10.pdf/ (дата обращения 7.09.2020).
13. Калиберова, Т.Н. Ларисса Андерсен: миф и судьба / Т.Н. Калиберова // Андерсен Л.Н. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма. – М.: Русский путь, 2006. – С. 8–39.
14. Конталева, Е.А. Религиозный синкретизм русских харбинцев: формы политического радикализма / Е.А. Конталева // Религиоведение. – 2020. – № 1. – С. 43–66.
15. Кумари: живые богини Непала [Электронный ресурс]. – URL: <https://nat-geo.ru/science/human/kumari-zhivye-bogini-nepala/> (дата обращения 8.09.2020).
16. Росов, В.А. Белый Храм на высоких горах. Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове / В.А. Росов. – СПб.: Алетейя, 2004. – 120 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aryavest.com/partlink/149.pdf> (дата обращения 6.09.2020).

17. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. – М.: «Международные отношения», 1995. – Т. 2. – С. 448.
18. Токарев, С.А. Религия в истории народов мира / С.А. Токарев. – М.: Политиздат, 1986. – 576 с.
19. Цмыкал, О.Е. Восток в художественном сознании Лариссы Андерсен / О.Е. Цмыкал // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – № 4. – С. 237–243.
20. Шапошникова, Л.В. Тайна племени Голубых гор / Л.В. Шапошникова. – М.: «Наука», 1969. – 190 с.
21. Эртнер, Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века / Е.Н. Эртнер. – Тюмень, 2005. – 211 с.

Текст поступил в редакцию 28.09.2020.

Принят к публикации 28.12.2020.

Опубликован 01.04.2021.

¹ Нилгири («голубые горы») – горный массив в штатах Тамилнад и Керала на юге Индии. Он является частью горной цепи Западные Гхаты, которые расположены на краю плоскогорья Декан.

² Джидду Кришнамурти (11 мая 1895 – 17 февраля 1986) – индийский духовный учитель. Был известным оратором на философские и духовные темы.

³ Индийская подруга Л. Андерсен, возвращаясь в теософских кругах.

⁴ С С.Н. Рерихом Андерсен также познакомилась в Индии.

⁵ Напр., стихотворения «Колдунья», «Заклятье», «У гадалки» и др.

⁶ Моана в пер. с полинез. – «океан».

⁷ «Камень – один из первоэлементов мира (наряду с землей, водой, огнем, воздухом) символ “мертвой” природы. <...> В нар[одной] космологии К[амень] трактуется как опора, основание, стержень, ось мира и уподобляется дереву мировому и горе» [Славянские древности, 1995, 448].

⁸ Как пишет С.А. Токарев, «Священными местами отправления культа служили могильники – мараи (марае, малае) – места погребения вождей или знати. Там совершались разные обряды, там приносились жертвы, там стояли изображения богов. Настоящих храмов, не связанных с местами погребений, не было» [Токарев, 1986, 576].

References

1. “Luchsche Pesni Moi So Mnoi”. *Iz Pysem Larissy Andersen Valeriyu Pereleshinu* [“My Best Songs Are Still with Me”. From the Letters of Larissa Andersen to Valery Pereleshin]. Available at: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&input=1732> (accessed on September 4, 2020) (in Russian).
2. Andersen L. *Po Zemnym Lugam: Stikhi* [On Earthly Meadows: Poems]. Shanghai : Sovremennaya zhenshchina, 1940, 56 p. (in Russian).
3. Andersen L.N. *Odna na Mostu: Stikhotvoreniya. Vospominaniya. Pysma* [One on the Bridge: Poems. Memories. Letters]. Moscow: Russkiy put, 2006, 472 p. (in Russian).
4. Andersen L.N. *Russkiy Harbin Zapechatlennyi v Slove* [Russian Harbin Captured in the Word]. Blagoveshchensk: Amur state university, 2012, pp. 263–266 (in Russian).
5. Andersen L.N. *Tsvety breezy* [Birch blossoms]. Vladivostok: Valentin, 2018, pp. 87–100 (in Russian).
6. Blok A.A. *Poeziya Zagovorov i Zaklinaniy* [Poetry of Charms and Spells] Moscow, Leningrad, 1962, pp. 36–65 (in Russian).
7. Erthner, E.N. *Fenomenologiya Provincii v Russkoi Proze Kontsa 19 – Nachala 20 veka* [Phenomenology of the Province in Russian Prose of the Late 19th – Early 20th Centuries]. Tumen, 2005, 211 p. (in Russian).
8. Kaliberova T.N. *Larissa Andersen: Mif i Sud'ba* [Larissa Andersen: Myth and Fate]. Moscow: Russkiy put, 2006, pp. 8–39 (in Russian).
9. Kaliberova T.N. *Vstrechi so Svyatoslavom Rerikhom (iz Arkhiva Larissy Andersen)* [Meetings with Svyatoslav Roerich (from the Archive of Larissa Andersen)]. Available at: http://iimc.dvfu.ru/documents/210702/110529987/VK_article10.pdf/ (accessed on September 7, 2020) (in Russian).
10. Kontaleva E.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2020, no. 1, pp. 43–66 (in Russian).
11. *Kumari: Zhiviye Boginin Nepala* [Kumari: living goddesses of Nepal]. Available at: <https://nat-geo.ru/science/human/kumari-zhiviye-bogini-nepala/> (accessed on September 8, 2020) (in Russian).
12. Rosov V.A. *Belyi Hram na Vysokikh Gorah. Ocherki o Russkoy Emigratsii i Sibirskom Pysatele Georgii Grebenshchekove* [White Temple on the High Mountains. Essays on the Russian Emigration and the Siberian Writer Georgy Grebenshchikov]. Available at: <http://www.aryavest.com/partlink/149.pdf> (accessed on September 6, 2020) (in Russian).
13. Shaposhnikova, L.V. *Tayna Plemeni Golubyykh Gor* [The Mystery of the People of the Blue Mountains]. Moscow: Nauka, 1969, 190 p. (in Russian).
14. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: International relations, 1995, vol. 2, p. 448 (in Russian).

15. Tokarev S.A. *Religia v Istorii Narodov Mira* [Religion in the History of the Peoples of the World]. Moscow: Politizdat, 1986, 576 p. (in Russian).
16. Tsmikal O.E. *Sotsial'niye Nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East]. Khabarovsk, 2018, no. 4, pp. 237–243 (in Russian).
17. Zabiako A.A., Tsmikal O.E. *Gumanitarnyi Vektor* [Humanitarian Vector]. Chita, 2021, vol. 16, no. 1, pp. 45–55 (in Russian).
18. Zabiako A.A., Tsmikal O.E. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2018, no.4, pp. 131–144 (in Russian).
19. *Zagogulinka. Okkultizm i yoga* [Occultism and Yoga]. Belgrad: Vozrozhdeniye, 1959, no. 20, pp. 137–147 (in Russian).
20. *Zagogulinka. Okkultizm i yoga* [Occultism and Yoga]. Belgrad: Vozrozhdeniye, 1967, no. 36, pp. 70–74 (in Russian).
21. *Zagogulinka. Okkultizm i yoga* [Occultism and Yoga]. Belgrad: Vozrozhdeniye, 1959, no. 21, pp. 128–132 (in Russian).

Submitted for publication: September 28, 2020.

Accepted for publication: December 28, 2020.

Published: April 1, 2021.